

Культурно-историческая психология и марксизм

Манолис Дафермос

кандидат философских наук, доцент, преподаватель эпистемологии психологии на факультете психологии колледжа гуманитарных наук Университета Крита (Греция)

Вопрос о взаимоотношениях культурно-исторической психологии и марксизма является сложным и многоуровневым вопросом, который не перестает интересовать многих мыслителей и вызывает споры и дискуссии. В данной статье делается попытка рассмотреть отношения культурно-исторической психологии и трех составных частей марксизма. Основной вывод данной работы состоит в том, что нужно обратить внимание не только на решённые задачи, связанные с данными учениями, но главным образом, — на открытые и недостаточно разработанные стороны вопроса.

Ключевые слова: марксизм, культурно-историческая психология, метод «Капитала» К. Маркса, материалистическое понимание истории, социалистическая переделка человека, вершинная психология.

В первую очередь, я хотел бы поблагодарить за почетное предложение выступить на кафедре философии и кафедре культурно-исторической психологии МГППУ. Странное совпадение, названия этих кафедр (философии и культурно-исторической психологии) в их сочетании характеризуют направленность моего научного исследования. По образованию я — философ, закончил философский факультет МГУ и в то же время я занимаюсь психологией, в частности, историей и философскими, эпистемологическими проблемами психологии.

В данном выступлении я попытаюсь выделить определенную трудность рассмотрения отношения культурно-исторической психологии и марксизма.

Первая трудность носит идеологический характер. Еще при жизни Выготского критиковали за то, что он не применяет классовый подход и не является марксистом. Директор института психологии В.Н. Колбановский говорил: «Я никогда не признал эту теорию как теорию марксистскую или приближающуюся к марксизму. Но если разобраться в корне самой теории, то она требует сейчас самой обстоятельной критики как теория антимарксистская, как теория не выходящая за пределы буржуазного понимания историзма, а следовательно, в корне враждебная марксизму» (по: [5, с. 143]).

Известно, что Выготский очень болезненно воспринимал подобную критику, возникшую еще при его жизни и в конечном счете приведенную к запрету культурно-исторической концепции более чем на 20 лет. После легализации, культурно-исторической психологии возникла противоположная тенденция, официальная пропаганда стала подчеркивать марксистскую направленность культурно-исторической психологии.

Предвзятое идеологическое отношение к Выготскому было не только в СССР, но и на Западе. В первых переводах произведений Выготского на английский язык отбрасывались его высказывания о Марк-

се, Плеханове, считалось, что они являются данью официальной пропаганде.

Брунер полагал, что марксизм Выготского ближе к взглядам Альтюссера (Althusser), Хабермаса (Habermas) и франкфуртской школы, чем к советскому марксизму его времени [18, с. 2]. На мой взгляд, здесь прослеживается явная или неявная попытка Брунера представить концепцию Выготского в форме, более приемлемой для западного читателя. На самом-то деле ситуация была намного сложнее. Предвзятым является также отношение многих западных марксистов, отождествляющих полностью марксизм и культурно-историческую психологию.

При всех вышеуказанных подходах представляются однозначными ответы по поводу отношения марксизма и культурно-исторической психологии, но нет понимания самой проблемы марксизма и культурно-исторической психологии. Но согласно Леви Строссу, «Ученый — это не тот, кто дает правильные ответы: это тот, кто ставит правильные вопросы».

С моей точки зрения, первая серьезная и трезвая попытка исследования данной проблемы предпринята в работе Николая Вересова «Marxist and non-Marxist aspects of the cultural-historical psychology of L.S. Vygotsky» [24]. В этой работе проведено дифференцированное рассмотрение марксистских и немарксистских аспектов в творчестве Выготского. Вересов справедливо констатировал, что не только марксизм повлиял на формирование идей Выготского, но и другие течения и мыслители, такие как Шпет, Блонский, Сорокин, Мейерхольд, литература Серебряного века. Он также констатировал, что отношение Выготского к марксизму изменялось в течение всей его творческой эволюции.

Считаю, что можно выделить, как минимум, две стратегии исследования отношения марксизма и культурно-исторической психологии. Первая стратегия состоит в том, чтобы исследовать исторически,

каким образом Выготский пришел к марксизму, и каким образом изменилось его отношение к марксизму в процессе его жизни.

Вересов выделил три основных этапа в творческой эволюции Выготского, и на каждом этапе его подход к марксизму был иной. Первый период длился с 1917 по 1924 г. В это время были написаны такие труды как «Педагогическая психология» и «Психология искусства». Выготский применял рефлексологический подход при рассмотрении сознания. Второй период длился с 1925 по 1927 г., когда Выготский применял специфический социальный бихевиоризм. На этом этапе написаны работы «Сознание как проблема психологии поведения», и «Исторический смысл психологического кризиса». Третий этап охватывает период с 1927 по 1934 г., когда сформировалась культурно-историческая теория [там же].

Вторая стратегия состоит в том, чтобы рассмотреть отношение культурно-исторической психологии и марксизма на метатеоретическом уровне. Я буду следовать, главным образом, второй стратегии, фокусируя внимание на анализе отношения культурно-исторической психологии к трем составным частям марксизма.

В первую очередь, следует коротко определить, что такое марксизм и что такое культурно-историческая концепция, и в каком смысле я буду рассматривать эти термины. Необходимо учесть при этом, что любое начальное определение включает моменты схематизации и упрощения.

Марксизм — это открытая развивающаяся система философских, экономических, социально-политических взглядов, возникших при капиталистической формации. Маркс исследовал три относительно самостоятельных, но внутренне связанных предмета.

Первый познавательный предмет — капиталистическая система. Политэкономика капитализма — это наиболее развитая (в категориальном отношении) составная часть марксизма [22].

Второй познавательный предмет — это человеческое общество и его история. Исследование Марксом человеческой истории осуществляется через рассмотрение человека, живущего в капиталистическом обществе со всеми его ограниченностями, вытекающими из этого обстоятельства [21].

Третий предмет, который попытался исследовать Маркс, — будущее посткапиталистическое общество. Это наиболее уязвимая и слабо разработанный часть марксизма. Новое общество выступает в работах Маркса, главным образом, как отрицание капитализма, т. е., по сути дела, К. Маркс исходит из предпосылок общества, которое он отрицает [там же].

Культурно-историческая психология возникла как учение о культурно-историческом происхождении высших психических функций. «Cultural historical theory was the theory of the origin and development of higher mental functions» [25, с. 271]. В отличие от глубинной психологии (психоанализ) и поверхностной психологии (бихевиоризм), культурно-

историческая психология возникла как **вершинная психология** в двух смыслах. Первый заключается в том, что центр исследования был перемещен на исследование высших психических функций. Образно говоря, культурно-историческая психология привела к изменению топографии психических процессов.

Второй смысл в том, что культурно-историческая психология открыла возможность рассмотрения человека и его психических функций не в застывшем состоянии, в данности, а в перспективе. Человек выступил не только как он есть в данный момент, но и как он может быть в ближайшей и даже в отдаленной перспективе. С этой точки зрения, культурно-историческая психология привела к изменению понимания не только топографии, но и временного измерения психических функций, которые предстали не как готовые состояния, а как процессы на уровне и онтогенеза, и филогенеза. «История развития высших психических функций представляет совершенно неисследованную область психологии. Несмотря на огромную важность изучения процессов развития высших психических функций для правильного понимания и уяснения решительно всех сторон личности ребенка, до сих пор не очерчены сколько-нибудь отчетливо границы этой области, не осознаны методологически ни постановка основных проблем, ни задачи, встающие перед исследователем, не разработан соответствующий метод исследования, не намечены и не развиты начатки теории или по меньшей мере рабочей гипотезы, которая помогла бы исследователю осмыслить и предположительно объяснить добываемые им в процессе работы факты и наблюдаемые закономерности» [8, с. 6]. Выготский поставил серьезные научные задачи и предвосхитил дальнейшее развитие психологии.

Для того чтобы понять культурно-историческую психологию, необходимо учесть три взаимосвязанных момента. Первый момент — это общий социально-исторический и культурный контекст. Второй момент — это конкретная познавательная ситуация, которая сложилась в 20-х — начале 30-х гг. в психологии и вообще в науке. Третий момент связан с личностью основателя культурно-исторической психологии и с развитием его исследовательской программы.

Интересное описание социальной ситуации, сложившейся в Советской России в то время, дал — как ни странно — Николай Бердяев: «Во Франции нет свободы, и советский молодой человек в ней задыхается, потому что в ней невозможно изменять жизнь, строить новую жизнь, так называемые свободы в ней таковы, что все остается неизменным, каждый день похож на предшествующий. Можно свергать каждую неделю министерства, но ничего от этого не меняется. Поэтому человеку, приехавшему из России во Францию, скучно. В советской же, коммунистической, России есть настоящая свобода, потому что каждый день можно изменять жизнь России и даже всего мира, можно все перестраивать, один день не

походит на другие. Каждый молодой человек чувствует себя строителем нового мира» [1, с. 124].

В 1920-е гг. ощущалось несоответствие между новой общественной практикой и существующими научными теориями (в данном случае — психологическими теориями). В связи с этим происходил интенсивный поиск новых подходов. Не случайно данный период характеризуется небывалым взлетом творчества в науке, искусстве да и во всех областях общественной жизни.

Обращение многих ученых к марксизму было не только результатом их личного выбора или идеологической предвзятости. Оно было продиктовано социальными задачами, поставленными самой историей. Самые разные психологи искали новые пути обоснования психологии как науки: Блонский, Корнилов, Лурия, Басов и многие другие.

Интересно, что самая удачная попытка обоснования новой психологии была предпринята Выготским, который не являлся типичным профессиональным психологом. Но Выготский получил широкое гуманитарное образование, что позволило ему рассмотреть психологию в более широком контексте. Ученому с широким философским и гуманитарным кругозором открывается больший спектр познавательных возможностей, когда он начинает систематически заниматься частной наукой.

В 1920-е годы многим психологам того времени казалось, что психология находится в кризисном состоянии. Уже даже в конце XIX в. у многих возникло ощущение, что психология является проблемной наукой [22]. Это ощущение усилилось, когда сложились основные психологические концепции. Назрело переосмысление кризисной ситуации в психологии и поиск новых путей ее дальнейшего развития. Работа Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» явилась одной из самых серьезных попыток осмысления психологии как науки.

Понятие «кризис» происходит от греческого слово «κρίση» и означает «суждение, которое ведет к решению, критика». Второй смысл этого слова указывает на обостренную, напряженную ситуацию. Когда возникает подобная ситуация, нужно ее хорошо обдумать и принять серьезные решения. В таких условиях необходима критика и самокритика. Не случайно Маркс назвал свой «Капитал» *критикой политической экономии*. Выготский тоже критиковал существующие в то время тенденции в психологии. Его критика — не голое отрицание, а своеобразный диалог с ведущими психологическими тенденциями. Выготский обращал внимание не только на отрицательные, но и на положительные стороны кризиса, которые связаны с созданием условий для перехода к новому качественному состоянию психологии как науки.

Третий момент, который мы должны учитывать, — это специфика личности Л.С. Выготского, а также развитие и преобразование его исследовательской программы. Важны не только его отдельные выводы, но и сам процесс, который привел к ним. У Выготского изменялись его психологические взгляды,

несколько раз преобразовывалась его исследовательская программа. В этом отношении можно обнаружить определенное сходство — учитывая одновременно и различия — между Марксом и Выготским. Маркс также, особенно на ранних этапах своего развития, преобразовывал свои взгляды. Однако в отличие от К. Маркса Выготскому не удалось разработать завершённую систему. Может быть, это связано не только с коротким сроком его жизни, но и с самой спецификой психологии как науки и уровнем ее развития.

Выготскому за короткую жизнь удалось изменить не только «предохранительный пояс», но также само «жесткое ядро» его исследовательской программы, если использовать терминологию Лакатоса. Речь идет о существенном сдвиге не просто в исследовательской программе отдельного психолога, но и в психологии как науке. С моей точки зрения, важны не столько отдельно взятые выводы, сколько сам путь, по которому шел Выготский, процесс преобразования его исследовательской программы.

Но культурно-историческая психология является не только продуктом гениальности Выготского. Культурно-историческая психология сформировалась в процессе взаимодействия круга людей («тройки», «пятерки»). Одна из особенностей советской психологии состоит в том, что она развивалась через научные школы.

Выготский был одним из первых мыслителей, которые осознали значение «Капитала» К. Маркса для психологии. В 20-е годы Выготский фиксировал: «психология сейчас есть психология — до «Капитала»» [6, с. 422].

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. были опубликованы ранние рукописи К. Маркса и возникла тенденция их применения для обоснования новой психологии. В частности, С.Л. Рубинштейн попытался осмыслить значение для психологии «Экономических и философских рукописей 1844 года» К. Маркса. Но они лишь знаменуют возникновение метода научного исследования К. Маркса. На наш взгляд, применение марксизма в психологии в теоретическом и методологическом отношении осталось на уровне «Экономических и философских рукописей 1844 года». Задача, поставленная Выготским, так и не выполнена. Парадокс нынешней познавательной ситуации состоит в том, что психология находится до «Капитала», в то время как условия требуют идти дальше «Капитала».

В «Капитале» Маркс использовал метод восхождения от абстрактного к конкретному — логический метод для отображения предмета как органического целого. Выготский искал клеточку психологии, у него несколько раз изменялись взгляды по этому поводу, но он так и не пришел к окончательному выводу. Проблема клеточки — это лишь одна из многих проблем, связанных с применением метода восхождения от абстрактного к конкретному. В СССР в 1920-е гг. только начиналась дискуссия о методе «Капитала» Маркса и еще не было его всестороннего исследования.

Кульминация дискуссии о методе «Капитала» К. Маркса пришлась на 1960-е гг., когда появились работы Розенталя, Ильенкова, Манковского, Типухина, Вазюлина и др. Последний [3] предложил учесть условия применения метода восхождения от абстрактного к конкретному. Во-первых, необходимо, чтобы предмет исследования в достаточной степени сформировался. Во-вторых, наука о предмете должна достичь определенного уровня созревания. В-третьих, сам исследователь должен быть в достаточной степени зрелым.

Если принять вышеизложенный подход, то возникает сложный и малоисследованный вопрос: в какой степени эти условия соблюдаются для психологии как науки? Данный вопрос не был поставлен в 1920-е гг., а без учета этих условий вопрос о нахождения клеточки психологии остается проблематичным, как и вопрос о статусе психологии как науки. И поиск клеточки психологии, как и поиск предмета психологии, подобен поиску Синей птицы, если вспомнить метафору, которую использовал Гальперин [20].

Выготский в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» рассматривал механизм одной реакции в качестве клеточки психологии как науки. В других работах в качестве клеточки выступали категории «значение», а также «переживание». Даже если указанный поиск не привел к положительному результату, теоретический опыт поиска очень важен. Наука движется вперед не только успехами, но и неудачами.

Выготский не был доволен тем, как понимали и как применяли марксизм в то время. В частности, его не удовлетворяло применение марксизма в качестве голый схемы и навязывание его извне частным наукам. «Диалектический метод вовсе не един — в биологии, истории, психологии. Нужна методология, т. е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий» [6, с. 419]. «Не навязывать природе диалектические принципы, а находить их в ней — формула Энгельса (Маркс & Энгельс, 1961. Соч., т. 20, с. 387) здесь сменяется обратной: в психологию вводятся принципы диалектики извне. Путь марксистов должен быть иным. *Непосредственное* приложение теории *диалектического материализма* к вопросам естествознания, и в частности к группе наук биологических или к психологии, *невозможно*, как *невозможно непосредственно* приложить ее к истории и социологии. У нас думают, что проблема “психология и марксизм” сводится только к тому, чтобы создать отвечающую марксизму психологию, но на деле она гораздо сложнее» [там же].

David Bakhurst в своей книге [17] утверждает, что взгляды Выготского совпадают со взглядами механистов в их полемике против деборинцев. С нашей точки зрения, подход Выготского намного глубже, чем представления механистов и деборинцев, так как он улавливает диалектическую, опосредованную связь философии и частной науки (в данном случае — психологии).

Выготский не был доволен различными попытками применения марксизма в СССР. Он возражал против фрагментарного восприятия и применения марксизма и цитатничества. «Я не хочу узнать на да-ровщинку, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на всем методе Маркса, как строят науку, как подойти к исследованию психики. Поэтому марксизм не только применяют не там, где надо (в учебниках вместо общей психологии), но и берут из него не то, что надо: не случайные высказывания нужны, а метод» [6, с. 421].

Вторая составная часть марксизма связана с материалистическим пониманием истории. Маркс рассматривал процесс «развития экономических формаций как естественноисторический процесс» [там же, с. 418].

Для дифференциации между биологической эволюцией и человеческой историей Выготский использовал *материалистическое понимание истории* и особенно идеи Энгельса о роли труда в процессе перехода от обезьяны к человеку. *Материалистическое понимание истории* несомненно оказало большое влияние на формирование культурно-исторической психологии.

Одним из самых серьезных вопросов, который попытался решить Выготский [8], был вопрос о выяснении значения изготовления и использования орудий для развития высших психических функций. Он ввел дифференциацию материальных инструментов, применяемых человеком для преобразования окружающей природы, и ментальных инструментов (знаков), используемых для контроля его (человека) собственных психических процессов.

Работа Выготского «Сознание как проблема психологии поведения», написанная до возникновения культурно-исторической психологии, начинается с эпиграфа со словами К. Маркса: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю». Выготский комментировал следующим образом эти слова: «Это совершенно бесспорное пояснение Маркса не означает ничего другого, кроме обязательного для человеческого труда удвоения опыта. Труд повторяет в движениях рук и в изменениях материала то, что прежде сделано в представлении работника как бы с моделями этих же движений и этого же материала. Вот такого удвоенного опыта, позволяющего человеку развить формы активного приспособления, у животного нет» [7, с. 85].

Вопрос о соотношении двух форм опыта или о соотношении материальных инструментов и символических (знаковых) инструментов, используя возникшую гораздо позже терминологию, остался недостаточно исследованным как в марксизме, так и в культурно-исторической психологии.

В общих чертах, в работах Выготского после возникновения культурно-исторической психологии в исследовании высших психических функций преобладает не столько логический подход, сколько исторический. Сам Выготский использовал понятие генетического или экспериментально-генетического метода: «...Применяемый нами метод может быть назван методом экспериментально-генетическим в том смысле, что он искусственно вызывает и создает генетически процесс психического развития» [8, с. 95].

Выготский в совместной с Лурией работе «Этюды по истории поведения» различал три линии в развитии поведения: естественную историю поведения, культурную историю поведения и развитие поведения в онтогенезе [12]. Один из недостатков постановки проблемы Выготским и Лурией состоит в том, что линии развития поведения выступают как рядоположенные, а внутренняя связь между ними не раскрывается. Для решения вопроса о соотношении этих линий требовалось и требуется рассмотрение таких сложных теоретических вопросов, как взаимодействие общественного и биологического, социального и индивидуального. С моей точки зрения, такие вопросы могут быть разрешены лишь при разработке более широкой теории синтетического характера, выходящей за рамки существующих частных наук, а также марксизма.

В работах Выготского доминирует попытка применения исторического подхода при рассмотрении высших психических функций в процессе онтогенеза. Вопрос об исследовании исторического характера психических функций в процессе истории человечества был поставлен Выготским, однако остался открытым. Исследование исторического характера психических функций в процессе всемирной истории Выготским не было рассмотрено систематически. Более того, указанный вопрос, а также вопрос об исследовании естественной истории психических функций выходят за рамки психологии и предполагают более широкую синтетическую исследовательскую программу на стыке разных дисциплин (история, биология).

Вопрос об изменениях психологических функций в историческом процессе возникает на стыке исторической науки и психологии. К сожалению, до сих пор психологи обращают недостаточное внимание на исследование данной проблемы. У Выготского есть намеки на исторический характер детского возраста. Очерки Эльконина об истории игры [15] представляют шаг в эту сторону, но это лишь начало пути. Еще предстоит большая работа по исследованию памяти, восприятия и других психических функций в историческом процессе и обоснование исторической психологии. На мой взгляд, марксизм в

его классической форме недостаточен для решения таких вопросов — для их исследования требуются более широкие исследовательские программы.

С проблемой развития психических функций в качестве практической и теоретической проблем столкнулся Лурия в его научной экспедиции в Средней Азии, которая была запланирована вместе с Выготским. В частности, Лурией тогда была поставлена задача сравнительного анализа ситуационного и категориального мышления [20]. Это исследование, опубликованное почти 40 лет спустя, открыло новые пути и перспективы в психологии. Но развитие мышления не сводится к переходу от ситуативного к категориальному. Диалектика процесса познания, если учесть логику «Капитала» К. Маркса, более сложная [2].

Более конкретно, процесс познания представляет собой единство двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, это движение познания от чувственно-конкретного к абстрактному, с другой стороны, движение познания от абстрактного к конкретному. На ранних стадиях познавательного процесса доминирует движение познания от чувственно-конкретного к абстрактному, а движение познания от абстрактного к конкретному существует в качестве подчиненного момента. На продвинутых ступенях процесса познания доминирует движение познания от абстрактного к конкретному, а движение познания от чувственно-конкретного к абстрактному выступает в качестве подчиненного момента [4].

Но ранние ступени познавательного процесса, которые как раз очень важны для психологии, остались недостаточно исследованы в классическом марксизме. Рассмотрение ранних ступеней развития высших психических функций представляет собой один из важнейших вопросов культурно-исторической психологии. Причем речь идет не просто о становлении мышления в чистом виде, а о становлении психологических систем (если использовать терминологию Выготского), структура которых преобразуется.

Третья составная часть марксизма включает в себя учение о будущем, бесклассовом обществе. Это наименее развитая и разработанная часть марксизма. Марксу удалось исследовать лишь предпосылки социализма, как они складываются в капиталистическом обществе. Как раз это и есть одна из причин ограниченности марксова понимания социализма и коммунизма. Культурно-историческая концепция сформировалась в сложный и противоречивый период становления СССР на фоне огромных трудностей социального преобразования.

Большой интерес с этой точки зрения представляет собой статья Выготского «Социалистическая переделка человека». В ней Выготский описывает последствия порабощающего разделения труда, который калечит человека и ведет к одностороннему и уродливому развитию отдельных человеческих способностей, о котором говорил Энгельс. Выготский ставил под сомнение перспективу возвращения назад к целинной и чистой человеческой природе, как предлагали Руссо и

Толстой. Согласно Выготскому, «центральную роль в переделке человека должно сыграть воспитание — этот путь сознательного общественного формирования, основная форма смены исторического типа человека» [9, с. 274].

Выготский переосмысливает учение Ницше о сверхчеловеке и, в частности, представление о том, что в процессе развития возникнет новое существо, которое будет относиться к современному человеку, как современный человек относится к обезьяне. В определенном смысле Выготский принимает учение Ницше, одновременно преобразуя его коренным образом. По словам Выготского, новый человек будет только по имени напоминать старого человека, как, по выражению Спинозы, лающее животное будет напоминать небесное созвездие Пса. Он использовал ту же самую метафору, чтобы охарактеризовать отношение старой психологии к новой.

Одновременно Выготский возражает Ницше, показывая характерное для его теории игнорирование отличия исторического развития от биологической эволюции, а также тот факт, что человек развивается как историческое и общественное существо.

Из вышесказанного видно, что хотя Выготский опирается, главным образом, на марксизм, он переосмысливает очень широкий круг теорий (в данном случае — идеи Ницше о «сверхчеловеке», идеи Спинозы и др.). Более того, задачу создания новой психологии, которую он попытался решить, невозможно было решить на основе только марксизма. Эта задача не могла быть решена без переосмысления философских, научных и даже художественных традиций предшествующих ступеней истории человечества. Сам Выготский был человеком высочайшей культуры и, с моей точки зрения, только такого типа личности могут ставить фундаментальные вопросы в науке и делать шаги для их решения.

Но переделка человека, о которой говорил Выготский, оказалась в СССР гораздо более сложным делом, чем это предполагал К. Маркс, и эта задача не могла быть сведена к преодолению последствий порабощающего капиталистического разделения труда. Дело в том, что в СССР сохранились сильные докапиталистические общинные отношения. Выготский придавал большое значение изучению ситуации, которая сложилась в Средней Азии. С этой точки зрения, имеет огромное значение его работа «К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии» (1929). В этой работе он писал о детях отсталых народностей, что они представляют собой неизвестную величину для науки [10].

Выготский фиксировал непригодность обычных тестов и существующих на тот момент научных подходов для изучения этих людей. Он намеревался организовать большую экспедицию в Среднюю Азию по междисциплинарному исследованию психических процессов, в которой предполагалось участие зарубежных психологов и антропологов (Koffka, Kohler, Lewin, Thurnwald) [23]. К сожалению, реализовать его планы не удалось. Опыт этих народностей

показал сложность и противоречивость задачи социального преобразования и «переделки человека», а также недостаточность категориального аппарата, унаследованного от классического марксизма, для решения этой задачи.

Выготский попытался применить марксизм для исследования новых, непроанализированных классическим марксизмом явлений. Таким образом, возникает противоречивая познавательная ситуация. С одной стороны, для того чтобы исследовать эти новые явления, требуется дальнейшее развитие существующей теории. С другой стороны, экстраполяция уже существующей теории (в данном случае, марксизма) для исследований качественно новых явлений способствует созреванию условий для обнаружения границ данной теории и, следовательно, для создания предпосылок ее преодоления. Другими словами, *Выготский сам, не отдавая себе отчета, в своей попытке применить в целом метод Маркса столкнулся с такими явлениями, для объяснения которых требовалось коренное изменение метода Маркса и марксизма как такового.* В целом можно констатировать, что *отношения марксизма и культурно-исторической психологии — сложные, непрямые, противоречивые и многоуровневые.* Жизнь и творчество Выготского так же, как и его отношение к марксизму, носят характер специфической *оптимистической трагедии.*

Леонтьев писал, что незадолго до своей смерти Лев Семенович взял у него том Куно Фишера о Декарте. Однажды он обнаружил на полях книги следующие карандашные пометки, сделанные рукой Выготского, комментирующие авторский текст.

«К. Фишер пишет: "...в преобразовании (системы идей) различаются свои прогрессивные ступени, на важнейшие из которых мы сейчас укажем. На первой ступени, составляющей начало, руководящие принципы преобразовываются по частям». Пометка Выготского: «*Мое исследование!*» «Но если, несмотря на эти изменения в основаниях системы, задача все-таки не разрешается, то нужно подняться на вторую ступень и заняться полным преобразованием принципов...». Пометка Выготского: «*Задача будущего*».

«Если преследуемая цель на новом пути все еще не достигнута... тогда должно сделать задачу разрешимой через изменение основного вопроса, через преобразование всей проблемы: такое преобразование есть переворот или эпоха». Пометка Выготского: «*Задача отдаленного будущего*» [12].

А.Н. Леонтьев в связи с этим говорил о внутренней научной скромности Выготского, а также о его необыкновенной способности думать в плане больших перспектив науки. Может быть, следует подумать не только о достигнутом Выготским, в частности о том, что он характеризовал как «*Мое исследование*», но также и о задачах будущего и отдаленного будущего («*Задача будущего*» и «*Задача отдаленного будущего*»), о которых он говорил, т. е. подумать о зоне ближайшего и более отдаленного развития культурно-исторической психологии. Вероятно,

нужно более серьезно поставить задачу рассмотрения культурно-исторической психологии не только с точки зрения отдельно взятых идей Выготского, но и с точки зрения его места и роли в истории науки, а также с точки зрения перспективы дальнейшего развития науки. В связи с этим вспоминается диалог между Пиаже и Гальпериным на 28-м международном конгрессе в Москве в 1966 г. Пиаже заметил: «Я изучаю то, что есть, а вы — то, что может быть». Гальперин ответил: «Но то, что есть — это лишь частный случай того, что может быть» [14, с. 363].

Под углом зрения указанного перспективного видения задача сравнительного анализа культурно-исторической психологии и марксизма в историческом контексте предстает в новом свете. В частности, возникает вопрос не столько о том, что уже сделано основателями этих учений, но и о том, что нам предстоит сделать для их дальнейшего развития. «Эта психология будет так же мало походить на нынешнюю, как — по словам Спинозы — созвездие Пса походит на собаку, лающее животное (Этика, теорема 17, Схолия)» [6, с. 436].

Литература

1. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.
3. Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). М., 1975.
4. Вазюлин В.А. Рассудочное и разумное мышление в развитии познания. Марксистско-ленинская диалектика: В 8 кн. Кн. 3: Диалектика процесса познания. М., 1985.
5. Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М., 1996.
6. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
7. Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
8. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
9. Выготский Л.С. Социалистическая переделка человека // Н. Курек. История ликвидации педологии и психотехники. СПб., 2004.
10. Выготский Л.С. К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств // Н. Курек. История ликвидации педологии и психотехники. СПб., 2004.
11. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.
12. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. I. М., 1983.
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., 2-е изд. Т. 42. М., 1955—1981.
14. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М., 1999.
15. Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 1999.
16. Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., 2-е изд. Т. 20. М., 1961.
17. Bakhurst D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Cambridge, 1991.
18. Bruner J. Prologue to the English Edition // R. Rieber & A. Carton (eds.). The collected works of L.S. Vygotsky. Vol. 1. Problems of general psychology. L., 1987.
19. Haenen J.P.P. Piotr Gal'perin: his lifelong quest for the content of psychology I Jacques Petrus Paulus Haenen. Proefschrift Vrije Universiteit Amsterdam. Met lit. opg. Met samenvatting in het Nederlands. Druk, 1993.
20. Luria A.R. Cognitive development: Its cultural and social foundations. Cambridge, MA, 1976.
21. Patelis D. Marxism // T. Hiotakis & E. Horafas (eds). Philosophical-sociological Dictionary. Vol. 3. Athens, 1995.
22. Teo T. The Critique of Psychology. From Kant to Postcolonial Theory. N. Y., 2005.
23. Veer R. van der, Valsiner J. Understanding Vygotsky: a quest for synthesis. Oxford, 1991.
24. Veresov N. Marxist and non-Marxist aspects of the cultural-historical psychology of L. S. Vygotsky. Outlines. 2005. № 1.
25. Veresov N. Forgotten Methodology. Vygotsky's Case // A. Toomela, J. Valsiner (eds.). Methodological Thinking in Psychology: 60 Years Gone Astray? Char-lotte, NC, 2009.

Cultural-Historical Psychology and Marxism

Manolis Dafermos

PhD in Philosophy, Assistant professor of Epistemology of Psychology, Department of Psychology,
School of Social Sciences, University of Crete, Greece

The question of the relationships between cultural-historical psychology and Marxism is a complex, multi-level issue which has caught the interest of many thinkers and causes controversy and debate. In this paper, we try to examine this problem by focusing mainly on the relationships between cultural-historical psychology and the three component parts of Marxism. The main conclusion of the present paper is that there is a need to pay attention not only to the resolved issues associated with these theories, but also more importantly to the open-ended, unresolved questions.

Keywords: Cultural-historical psychology, Marxism, Method of Marx's Capital, Materialist Conception of History, Socialistic alteration of man, Height psychology.

References

1. *Berdyayev N.* Istoki i smysl russkogo kommunizma. M., 1990.
2. *Vazyulin V.A.* Logika "Kapitala" K. Marksa. M., 1968.
3. *Vazyulin V.A.* Stanovlenie metoda nauchnogo issledovaniya K. Marksa (logicheskii aspekt). M., 1975.
4. *Vazyulin V.A.* Rassudochnoe i razumnoe myshlenie v razvitii poznaniya. Marksistsko-leninskaya dialektika: V 8 kn. Kn. 3: Dialektika processa poznaniya. M., 1985.
5. *Vygotskaya G.L., Lifanova T.M.* Lev Semenovich Vygotskii. Zhizn'. Deyatel'nost'. Shtrihi k portretu. M., 1996.
6. *Vygotskii L.S.* Istoricheskii smysl psihologicheskogo krizisa // Vygotskii L.S. *Sobr. soch.:* V 6 t. T. 1. M., 1982.
7. *Vygotskii L.S.* Soznanie kak problema psihologii povedeniya // Vygotskii L.S. *Sobr. soch.:* V 6 t. T. 1. M., 1982.
8. *Vygotskii L.S.* Istoriya razvitiya vysshih psihicheskikh funktsii // Vygotskii L.S. *Sobr. soch.:* V 6 t. T. 3. M., 1983.
9. *Vygotskii L.S.* Socialisticheskaya peredelka cheloveka // N. Kurek. Istoriya likvidatsii pedagogii i psihotekhniki. SPb., 2004.
10. *Vygotskii L.S.* K voprosu o plane nauchno-issledovatel'skoi raboty po pedagogii nacional'nyh men'shinstv // N. Kurek. Istoriya likvidatsii pedagogii i psihotekhniki. SPb., 2004.
11. *Vygotskii L.S., Luriya A.R.* Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok. M., 1993.
12. *Leont'ev A.N.* Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya: V 2 t. T. I. M., 1983.
13. *Marks K.* Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda // K. Marks, F. Engel's, *Sobr. soch.,* 2-e izd. T. 42. M., 1955–1981.
14. *Obuhova L.F.* Vozrastnaya psihologiya. M., 1999.
15. *El'konin D.B.* Psihologiya igry. M., 1999.
16. *Engel's F.* Dialektika prirody // K. Marks, F. Engel's. *Sobr. soch.* 2-e izd. T. 20. M., 1961.
17. *Bakurst D.* Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Cambridge, 1991.
18. *Bruner J.* Prologue to the English Edition // R. Rieber & A. Carton (eds.). The collected works of L.S. Vygotsky. Vol. 1. Problems of general psychology. L., 1987.
19. *Haenen J.P.P.* Piotr Gal'perin: his lifelong quest for the content of psychology I Jacques Petrus Paulus Haenen. Proefschrift Vrije Universiteit Amsterdam. Met lit. opg. Met samenvatting in het Nederlands. Druk, 1993.
20. *Luria A.R.* Cognitive development: Its cultural and social foundations. Cambridge, MA, 1976.
21. *Patelis D.* Marxism // T. Hiotakis & E. Horafas (eds.). Philosophical-sociological Dictionary. Vol. 3. Athens, 1995.
22. *Teo T.* The Critique of Psychology. From Kant to Postcolonial Theory. N. Y., 2005.
23. *Veer R. van der, Valsiner J.* Understanding Vygotsky: a quest for synthesis. Oxford, 1991.
24. *Veresov N.* Marxist and non-Marxist aspects of the cultural-historical psychology of L. S. Vygotsky. Outlines. 2005. № 1.
25. *Veresov N.* Forgotten Methodology. Vygotsky's Case // A. Toomela, J. Valsiner (eds.). Methodological Thinking in Psychology: 60 Years Gone Astray? Charlotte, NC, 2009.